

Она вынула из ящика каждую склянку, осмотрела и поставила обратно. Чуньчуанский мази оставалось семнадцать пакетиков, кровоостанавливающего порошка — всего девять флаконов, а жаропонижающих пилюль едва-едва набиралось на тридцать человек. Она пересчитала запасы трижды, её губы слегка подрагивали, будто она про себя что-то шептала. В конце концов она захлопнула аптечку, тут же снова открыла её и проверила ещё раз.

Появился Се Тунчжи.

Он стоял в дверях, и на его лице не было страха — лишь то выражение равнодушия, которое говорит: «Ну вот, я же предупреждал». Его халат из синей ткани был выстиран добела, на манжетах чернело несколько капель туши, а сам он выглядел до того аккуратным, будто направлялся на литературное собрание ученых мужей, а не на обсуждение обороны осажденного города.

— Госпожа Лу, — его голос звучал ровно, до того ровно, что казалось стоячей водой, в которой не дрогнет ни единой ряби. — Сдаваться ещё не поздно. Я могу выступить посредником и переговорить с мятежниками. Сдать продовольствие в обмен на безопасность города. Это всяко лучше, чем погибнуть под руинами.

Синвань посмотрела на него.

— С чего вы взяли, что город обязательно падет?

— Пять тысяч человек, — Се Тунчжи улыбнулся. В этой улыбке сквозило едва заметное жалостливое участие, словно он смотрел на неразумного ребенка. — Восемьсот против пяти тысяч. Девушка Лу, вы умный человек. Умные люди не совершают глупостей.

— А сдавшаяся вы можете поручиться, что они не устроят резню в городе?

Се Тунчжи на мгновение умолк, а затем произвел:

— Ручаться не могу. Но сдача — это хотя бы шанс на выживание. Оборона же — верная смерть.

В командном пункте все замерли. Цинь Ху перестал точить клинок, счета Су Цзиньшу умолкли, а рука Чэн Яньцю замерла на застёжке аптечки. Каждая пара глаз уставилась в спину Синвань.

— Оборона — это не смерть, — произнесла Синвань. Голос её был невысок, но каждое слово отчетливо звенело в тишине. — Оборона — это жизнь. Просто путь этот куда труднее.

Се Тунчжи больше ничего не сказал. Он еще с минуту смотрел на Синвань, покачал головой, повернулся и ушел.

Уже в дверях он на миг замер, не оборачиваясь.

— Госпожа Лу. Если вы проиграете эту ставку — платой за неё станет каждый житель этого города.

Он ушел. Звуки шагов поплыли по коридору, удаляясь, пока окончательно не растворились в густых сумерках.

Синвань сидела в командном пункте в полном одиночестве.

Язычок масляной лампы качнулся, отбросив её тень на стену то большой, то совсем маленькой. Снаружи, из-за городской стены, донеслось злое карканье ворона, звучавшее предзнаменованием беды.

Она открыла «Новые очерки исследования вещей».

Перевернула страницу на самый конец раздела о силе.

Прежде, читая эти строки, она видела здесь лишь формулы механики. Но теперь...

Последняя страница вовсе не содержала формул.

Там был чертеж.

Схема городской обороны.

Нарисованная мамой.

Этот почерк она узнала сразу — изящный, но сильный, в каждой черте чувствовалась привычная решительность. Совсем как её мать: за что бы та ни бралась, всё делала четко и быстро, без лишних сомнений и колебаний.

На схеме было размечено всё: расположение городских ворот, участки крепостной стены, позиции осадных катапульт, сектора обстрела для лучников, точки сбора резервных отрядов, маршруты эвакуации раненых и пункты хранения припасов.

Каждая деталь прорисована с предельной четкостью. Даже указано, какой отрезок стены обветшал и требует укрепления, а где лучше всего расставить лучников.

Ниже шла короткая подпись:

«Ежели придется оборонять сей град, строить защиту надлежит таковым образом».

Синвань не отрывая смотрела на эти слова.

Кончики её пальцев легко скользнули по чернильным строкам, словно позволяя ощутить тепло руки, водившей кистью тридцать девять лет назад.

Ежели придется оборонять сей град.

Какой именно град?

Гуйдэ-фу.

Её мама — тридцать девять лет назад, на последней странице «Новых очерков исследования вещей» — набросала план обороны Гуйдэ-фу.

Её мать... словно знала, что наступит этот день.

Знала, что её дочь прибудет в Гуйдэ-фу.

Знала, что Гуйдэ-фу окажется в осаде.

Знала, что её дочери понадобится этот чертеж.

И потому нарисовала его.

Оставила в книге.

Чтобы тот, кому суждено прийти позже, смог отыскать дорогу по этому знаку.

Синвань бережно вырвала страницу и расправила её на столе. Взяв кисть, она принялась вносить собственные пометки на пустых полях: распределение живой силы, часы смен караула, запасы горючего масла.

Ветер за окном завыл сильнее. Вдали, на крепостной стене, ночной дозор с факелами в руках мерно шагал туда-сюда, и оранжевые точки света то вспыхивали, то гасли во мраке.

Близились великая битва.

Но на этот раз она была не одна.

Синвань повесила мамин чертеж на стену.

Она тщательно наклеила лист с помощью клейстера на деревянную доску, разгладила углы, обвела все пометки алой тушью, отчего при тусклом свете лампы они стали бросаться в глаза еще сильнее. Все в командном пункте молча уставились на эту карту — ворота, стены, зубцы, улицы, каждая мелочь была видна как на ладони, словно кто-то заранее разобрал Гуйдэ-фу по кусочкам, чтобы изучить его изнутри.

Затем она приступила к расстановке сил.

Не она одна — действовал весь Гуйдэ-фу.

Всеобщая мобилизация, — объявила она, стоя на городской стене перед собравшимися горожанами. Ветер разметал её слова, но каждый расслышал их ясно. — Оборонять город должны не только солдаты. Участвовать будет каждый. Старики, женщины, дети — для всех найдется дело. Оборона — не личное дело одного человека, это вопрос жизни всего города.

Черная толпа внизу на миг затихла, а затем кто-то крикнул:

— Слушаем девушку Лу!

Крик покатился волной.

Она разделила всех горожан на пять отрядов.

Боевой отряд под началом Цинь Ху. Все крепкие мужчины, способные держать оружие, в общей сложности более трехсот человек. Они отвечали за защиту стен, оборону ворот и ночное патрулирование. Принимая биржу командования, Цинь Ху едва заметно дрогнул рукой — не от страха, от волнения. Он ждал этого дня слишком долго.

Тыл под началом Су Цзиньшу. Женщины и старики. В их обязанности входило подвозить припасы, готовить еду, кипятить воду и стеречь зернохранилища. Су Цзиньшу без лишних слов принялась за дело: в тот же вечер она пересчитала запасы продовольствия по душам, составила ведомость и вывесила её у входа в амбар.

Медицинский отряд под началом Чэн Яньцю. В него созвали всех, кто хоть немного разбирался в целебных травах, а также трех женщин-добровольцев. Они отвечали за спасение раненых. Чэн Яньцю перебрал аптечку вдоль и поперек, а затем развернул временный лазарет в храме городского божества, повесив на притолоку матерчатую занавеску вместо операционной.

Разведывательный отряд под началом Чэнь Анюя. Отряд юнцов. На разведку, передачу приказов и маневрирование в тылу. Эти мальчишки бегали быстрее лошадей, проскальзывали сквозь переулки и стены словно по ровному полю, образовав самую оперативную сеть связи.

Инженерный отряд под её собственным началом. Занимался укреплением стен, изготовлением осадных орудий и возведением фортификаций. Раскрыв «Новые очерки исследования вещей», она по чертежам из книги набросала эскиз камнеметательной машины и заставила плотников мастерить её всю ночь напролет.

Двенадцать приказов по обороне города перевели на военное положение — обязанности на каждом посту удвоились, время смен сократилось с четырех страж до двух, гарантируя, что на стене ежеминутно кто-то бдит.

Чэн Яньцю подготовил медицинский пункт по методам дезинфекции из «Новых очерков исследования вещей»: кипяченая вода, кипяченые бинты, кипяченые хирургические инструменты. Во дворе храма городского божества установили три огромных котла, огонь в которых не гас ни днем, ни ночью. Он говорил:

— Способы, описанные в этой книге, почти не отличаются от того, чему учил меня наставник. Но твоя мама изложила всё гораздо системнее. Каждый шаг снабжен объяснением, даже причина, почему нужно кипятить воду, расписана до мельчайших подробностей. Поразительно.

Вести от Хань Тиезху тоже подоспели — он выразил готовность привести триста бойцов на помощь. Условие было одно: дележ продовольствия после победы.

Синвань не стала торговаться. Она согласилась.

Но разработала два варианта распределения: если люди Хань Тиезху проявят себя хорошо, получат больше; если сплошают — меньше.

— Это называется метод двух очагов, — пояснила она Су Цзиньшу.

— Чего?

— Готовим оба плана сразу. Посмотрим на реальные результаты и решим, какой задействовать. Будут хорошо драться — растопим большой котел, сплошают — обойдемся маленьким. Не станем предупреждать заранее, пусть сами думают головой.

Су Цзиньшу призадумалась и вдруг усмехнулась:

— А подход-то похож на составление отваров: государь, министры, помощники и проводники, лечение по симптомам, с оставлением простора для маневра.

— Вроде того.

— Занятно, — Су Цзиньшу легко улыбнулась, но тут же посерьезнела. — А всё же, девушка Лу, ты думала о том... что будет, если мы не удержим город?

Синвань посмотрела на неё.

— Даже если не удержим, защищать всё равно придется, — ответила она. — Шаг назад — и начнется резня. Раз уж пути назад нет, то и думать о нем нечего.

Су Цзиньшу кивнула и больше расспрашивать не стала.

Разведчики вернулись.

— Авангард противника в пятидесяти ли.

Пятьдесят ли. Конница доскачет за полдня. Пехота дойдет за сутки.

Мятежники придут самое позднее завтра.

На крепостной стене Цинь Ху вернул наточенный меч в ножны и поднял взгляд на серое небо у южного горизонта.

— Ну ладно, сукины дети, — тихо произнес он.

Они явились.

Глядя со стены наружу — на южном горизонте пролегла серая полоса.

Эта полоса двигалась. Растягивалась в ширину. Утолщалась.

Пять тысяч человек.

Пять тысяч голодающих, озлобленных людей. В руках мотыги, дровяные тесаки, заостренные колья. У некоторых не было даже оружия — лишь палки.

Но их было пять тысяч.

Защитники на стене молча смотрели на эту серую полосу, иные уже начали подрагивать.

Цинь Ху стоял на башне неподвижно.

Его рука лежала на рукояти меча. Левая рука, лишенная двух пальцев.

— Чего дрожите? — бросил он короткий взгляд на гарнизон. Голос его звучал негромко, но слышали все. — Мне доводилось бить японских пиратов в Ляодуне. И шведов в Чосоне. Вот те воины были люты. А эта банда с мотыгами — какая от них угроза?

Воины перестали трястись.

Не потому, что страх отступил. Просто... раз Цинь Ху не боялся, им тоже было стыдно показывать трусость.

Первая атака началась в полдень.

Пятьсот человек ринулись с юга. Никакого строя, никакой дисциплины — просто толпой, единым валом.

Синвань стояла на высоком помосте в тылу — её командном пункте, представлявшем собой обветшалый стол и табурет. Перед ней была раскинута карта обороны, в руке она держала деревянную палочку вместо командирской указки.

— Южные лучники — приготовиться!

Лучники на стене заняли места согласно порядку смен.

— Сто шагов — пли!

Дождь из стрел.

Первая волна мятежников рухнула на землю, но шедшие позади просто перешагивали через тела павших и бежали дальше.

— Вторая группа — пли!

Очередной залп.

Налетчики добежали до стены. Потащили лестницы — убогие деревянные мостки, некоторые и вовсе состояли из палок, связанных веревками.

— Откинуть лестницы!

Гарнизон принялся отталкивать лестницы длинными шестами. Бандиты сыпались вниз: кто ломал ноги, кого затаптывала толпа напиравших сзади.

Первая атака продлилась полчаса.

И захлебнулась.

Вторая волна пошла иначе.

Они принесли огонь.

Толпа бросилась к городским воротам, таща с собой сушняк и хворост, сложила груды и чиркнула кресалом. Черный дым вперемешку с языками пламени взметнулся в мгновение ока, устремляясь в щели створок.

Но всё это было предусмотрено Синваньё. Изнутри проема ворот уже стояли ряды мешков с песком, а наготове ждали ряды чанов с водой. Солдаты на стене высунулись наружу, заливая огонь кадка за кадкой, засыпая сверху песком.

Вскоре пламя было сбито. Ворота обуглились, но прогореть насквозь не успели.

Третья атака — самая свирепая.

Собрав больше тысячи человек, бандиты покатали примитивный таран: огромное толстое бревно на колесах, и двинули его на ворота.

— Таран! — закричали на стене.

Удар за ударом содрогал ворота. От каждого толчка гудела вся крепостная стена.

Защитники запаниковали.

Но Синвань сохраняла хладнокровие.

— Запустить усиливающие конструкции!

С внутренней стороны ворот выдвинулись две треугольные деревянные рамы — она спроектировала их по законам механики из «Новых очерков исследования вещей». Треугольник в три раза устойчивее прямоугольника. Даже если ворота выбьют, рама выдержит первый удар.

Таран ударил дюжину раз. В воротах появилась трещина.

Но деревянная рама стояла как влитая.

Мятежники полезли в щель — и нос к носу столкнулись с солдатами за рамой.

Цинь Ху лично возглавил людей у укрепления.

— Подходите! — расхохотался он, взмахнув клинком. — Я вас жду дожидаюсь!

Щель оказалась слишком узкой. За раз мог протиснуться лишь один-два человека. Едва показывался один, Цинь Ху сносил ему голову.

Нападавшие снаружи занервничали. Они остервенело долбили в ворота, но те упирались в раму, не поддаваясь никаким усилиям.

В конце концов третья атака тоже захлебнулась.

Однако мятежники не отступили.

Они разбили лагерь под стенами.

Это означало долгую осаду.

На третий день осады.

Водоснабжение было перекрыто.

Мятежники возвели плотину выше по течению ручья, отрезав приток воды в город. Уровень в колодцах резко упал. К полудню третьего дня два из трех колодцев пересохли полностью. Из последнего ведро вытаскивали наполовину наполненное грязной жижей.

Паника росла.

Люди плакали на улицах. Кричали о сдаче. Кто-то попытался разграбить зернохранилища — людей Су Цзиньшу остановили их вовремя.

Женщина с ребенком на руках опустилась на колени у колодца, скребя пальцами влажные стены. Малыш плакал в её объятиях, голос его становился всё слабее. Старик сидел под стеной, молча глядя на растрескавшиеся губы, с которых сочилась кровь.

— Сдаваться нельзя, — голос Су Цзиньшу у дверей хранилища звучал твердо. — Сдадитесь —

они вас всё равно не пощадят. Мало было примеров резни при взятии городов?

Толпа немного успокоилась. Но паника не исчезла.

Синвань читала книгу.

Второй том «Новых очерков исследования вещей», посвященный теплу.

Она помнила, там был раздел об исследовании подземных вод.

Нашла.

«Течение подземных жил следует изменениям рельефа. В низинах, где почва темно-бурого цвета, грунтовые воды залегают ближе. Выкопав яму глубиной от пяти до восьми чи, непременно обнаружишь воду. Если в грунте попадаете песчано-галечный слой, водяная жила будет еще обильнее».

Способ добычи воды в Префектуре Тайпин, которым пользовалась её мама.

Синвань повела людей в самое низкое место внутри города — пустырь у Южного рынка, где после дождей всегда образовывалась лужа.

Чэнь Анюй с отрядом юнцов копали по очереди. С десятков полуподростков, сбросив рубахи, лопата за лопатой углублялись в землю. Зевак становилось всё больше, но никто не проронил ни звука, молча наблюдая за работой.

Выкопали пять чи. Воды нет. Земля сухая, серо-желтая.

Шесть чи. Снова ничего. Кто-то тяжело вздохнул и повернулся уходить.

На седьмом чи почва изменилась. Серо-желтый цвет сменился темно-бурым. Стало влажно. Потянуло илистым запахом.

— Копайте дальше!

На руках Чэнь Анюя вздулись и лопнули кровавые мозоли. Не обращая внимания на боль, он продолжил махать лопатой.

Восьмое чи.

Просочилась вода.

Сначала капли. Затем тонкая струйка. Потом её стало больше.

Мутная. С песком и глиной. Но — вода.

— Вода пошла!

Крикнув это, Чэнь Анюй сорвал голос.

Весть облетела весь город. Паника схлынула больше чем наполовину. Та женщина прибежала с ребенком, опустилась на колени у лужицы, зачерпнула пригоршню мутной влаги, сначала напоила малыша, а потом напилась сама.

Мятежники поняли, что блокада воды провалилась.

Они пошли на генеральный штурм.

На этот раз атаковали с трех сторон одновременно: с востока, юга и запада. По тысяче с лишним рыл на направление. Север оставили свободным — якобы оставляя «путь для отступления». На деле это была ловушка: вздумай гарнизон прорываться на север, их бы настигла конница в чистом поле.

Но Синвань не собиралась прорываться.

Она держала оборону.

Восточная стена — непрерывный обстрел лучников. Когда стрелы закончились, защитники стали подбирать пущенные мятежниками стрелы и палить ими в ответ. Лучник по имени Чжао Да выпустил последний колчан, закинул лук за спину, подхватил со стены кирпич и принялся швырять вниз.

Южная стена — таран появился снова, но его вновь заблокировала деревянная рама. Мятежники обили бревно сырыми коровьими шкурами, защищаясь от огня. Однако угол наклона рамы сводил на нет всю кинетическую энергию, и бревно ударяло лишь в треть силы.

Западная стена — неприятель приставил более двух десятков лестниц, защитники сбрасывали их одну за другой. По одной из лестниц лезло четверо, верхний уже перекинул ногу через зубец, когда Цинь Ху снес его ударом клинка вместе с лестницей и катившейся следом цепочкой людей.

Бой продолжался весь вечер.

Гарнизон на стенах сменился трижды. Руки лучников отекали и онемели. На теле Цинь Ху добавилось еще два пореза — неглубоких, но кровоточивших обильно. Затянув раны полосой ткани, он остался на стене.

Ближе к закату...

С северной стороны донесся боевой клич.

То были не мятежники.

Это шёл Хань Tiezhu.

Вместе с тремьями бойцами он ударил с севера. Клубы пыли, поднятые тремя сотнями коней, покатались по горизонту желтой стеной. Гул копыт заставил сыпаться землю с крепостной стены.

Мятежники не ожидали удара — они сосредоточили силы на штурме трех сторон, оставив в тылу лишь небольшой резерв. Три сотни людей Хань Tiezhu вонзились в их тылы, словно острый нож.

В тыловом лагере находились припасы и обозы. Хань Tiezhu велел их сжечь.

Враг оказался зажат с двух сторон.

Штурмующие отряды повернули назад спасать тыл. Защитники крепостной стены

воспользовались моментом для контратаки, обрушивая стрелы с трех сторон.

Среди мятежников началась сумятица. Удары сыпались и спереди, и сзади, разобрать, где основные силы, было невозможно.

Главари надрывали глотки, пытаясь навести порядок, но безуспешно. Бегущие солдаты напоминали прорванную плотину, они разливались по южной стороне, рассыпаясь во все стороны.

Мятежники отступили.

Не организовано — это было бегство.

Внезапный удар Хань Тиезху с тыла и контратака Цинь Ху со стен сокрушили командную цепочку врага.

Их главаря пристрелили в общей неразберихе — неизвестно чья стрела, выпущенная кем-то из лучников со стен вслепую, нашла свою цель.

Стоило главарю пасть, как оставшиеся бандиты окончательно рассеялись.

Они бежали на юг. Бросая оружие, трупы, раненых.словно стадо перепуганных овец.

Гарнизон со стен наблюдал за их бегством.

Кто-то порывался преследовать.

Цинь Ху рявкнул:

— Не преследовать отступающего врага!

Гуйдэ-фу устоял.

На городской башне взметнулся громовой ликующий крик.

Цинь Ху стоял на вершине стены, высоко подняв меч. Голос его охрип от приказов, отданных за целый день, связки почти отказали. Но этот крик слышал весь город.

Су Цзиньшу стояла в углу крепостной башни.

Она не кричала от радости. Просто стояла, глядя на закатное солнце за стенами.

А потом заплакала.

Беззвучно. Капля за каплей.

Синвань видела её слёзы впервые.

Чэнь Анюй с юнцами сбились в кучу. Тот двенадцати-тринадцатилетний нищий мальчишка — который раньше предлагал сбежать — рыдал громче всех.

Чэн Яньцю лежал пластом в медицинском пункте, обессиленный до предела. Сегодня через его руки прошло более шестидесяти раненых. Руки дрожали так, что он едва удерживал пузырьки

с лекарствами.

— Не трогайте меня, — бросил он подбежавшему ученику. — Дайте полежать.

Хань Tiezhu въехал в город верхом. Чернолицый бугай с грозным лицом улыбался, как ребенок.

— Господин Лу! — заорал он Синвань. — Битва окончена! А как же зерно?

Синвань посмотрела на него.

— Своего ты не лишишься.

Цинь Ху отыскал её на крепостной стене.

Он подошел ближе.

Пятна крови и копоты на доспехах запеклись черной корочкой. Половина лица измазана пороховой гарью, а глаза горели ярче клинков.

— Эта битва, — промолвил он. — Твоя главная заслуга.

Синвань покачала головой.

— Не моя. Всех, кто защищал город.

Цинь Ху поглядел на неё.

— Это ты помогла им поверить, что они способны победить.

Он хлопнул её по плечу. Той самой левой рукой с двумя недостающими пальцами.

Затем развернулся и ушел.

Послепобедное наведение порядка.

Синвань вышла за ворота.

На поле боя кругом валялись тела мятежников. В воздухе висел запах крови и сырой земли. Вдалеке бродячие псы терзали павших.

Она отвела взгляд.

Ей не хотелось на это смотреть. Но она заставила себя смотреть.

Профессиональная привычка продукт-менеджера — смотреть на результаты. Хорошие или плохие, но смотреть.

Она шла вдоль основания крепостной стены. Дошла до разрушенного древнего моста к юго-востоку от города, разбитого войной.

Мост этот наполовину обрушился еще до осады. Теперь же пламя мятежников довершило разрушение — пролет рухнул, торчали лишь несколько каменных столбов в пересохшем русле реки.

Она присела на корточки.

Не от усталости.

<http://bllate.org/book/21208/2146546>